

Pospíšil, Ivo

**История брненской славистики в переписке и личных документах
(избранные эпизоды)**

Slavica litteraria. 2012, vol. 15, iss. Supplementum 2, pp. [129]-146

ISSN 1212-1509 (print); ISSN 2336-4491 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/125941>

Access Date: 30. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

IVO POSPÍŠIL

ИСТОРИЯ БРНЕНСКОЙ СЛАВИСТИКИ В ПЕРЕПИСКЕ И ЛИЧНЫХ ДОКУМЕНТАХ (ИЗБРАННЫЕ ЭПИЗОДЫ)

Абстракт

Автор настоящей статьи, опираясь на свои исследования и уже опубликованные материалы, на этот раз в сжатом и синтезированном виде анализирует корреспонденцию и личные документы нескольких славистов, которые работали в Брно или непосредственно в брненском Университете им. Масарика, а именно А. Врзала, С. Вилинского, Й. Горака и Р. Якобсона. Автор указывает на три места, связанные с хранением этих документов: Моравский областной архив, Моравскую областную библиотеку и Архив Университета им. Масарика.

Ключевые слова

Личные документы А. Врзала ■ С. Вилинского ■ Й. Горака и Р. Якобсона в Брно ■ Университет им. Масарика ■ брненские архивы и областная библиотека

Abstract

The author of the present article analyzes the correspondence and personal documents of several slavists who worked in Brno or directly at Masaryk University: A. Vrzal, S. Vilinsky, J. Horák and R. Jakobson with reference to his own research and already published materials, this time in condensed and synthetized form. He shows the three places where the documents has been kept: The Moravian Regional Archives, The Moravian Regional Library and The Archives of Masaryk University.

Key Words

Personal documents of A. Vrzal ■ S. Vilinsky ■ J. Horák and R. Jakobson in Brno ■ Masaryk University ■ Brno archives and Regional Library.

В восприятии разных народов, живущих и не живущих в пределах Земель Богемской короны как части Австро-Венгерской империи, проявлялись различия: в Моравии, например, это было, в целом, лучшее сосуществование с немцами; но с середины 19-го века усиливалось и славофильское течение, в особенности русофильское, которое в начале 20-го века приобрело формы так называемых русских кружков; однако больше, нежели политики, деятельность этих

объединений касалась культуры и разных видов искусства, в особенности музыки и литературы. Не случайно, впрочем, именно в Брно в работе Русского кружка так активно принимал участие Леош Яначек, в чьей музыке ярко проявился русский элемент. Моравия и Силезия как восточная часть исторических земель были, вообще говоря, ближе к славянским культурам – как к полякам, так и к восточным славянам. Отношение к славянам и культурному превалярованию, тем не менее, однозначно определял чешский, а конкретно – пражский центр: это также касалось издательской политики, выбора текстов и т.п. Моравские слависты, т. е. те, что становились посредниками в связях со славянскими культурами – если только они не работали в пражском центре (Вилем Мрштик), – оказывались во всех смыслах, в том числе в издательском, на периферии истории. Корреспонденция одного из объектов данной работы, Алоиса Августина Врзала, подтверждает буквально нищенское положение по отношению ко всемогущим пражским издателям и культурным корифеям: пренебрежительное отношение к его деятельности, кстати, проявляется в чешском литературоведении вплоть до сегодняшнего дня. Тем не менее, с точки зрения культуры Моравия соблюдала значительную автономию и ограничение в публикациях. Последние исходили, прежде всего, из католической ориентации Моравии, из моравского консерватизма и преобладающих этических позиций. Эти черты, однако, нельзя неограниченно обобщать – и все же это были условия, которые формировали моравскую непрофессиональную и научную славистику¹ (Pospíšil, 2011, 2010).

В этом смысле специфической была и моравская рецепция славянских литератур, которая позднее, с того момента, как столицей страны стал город Брно, была характерна и для брненской славистики: неуниверситетской, а с 1919 г. – и университетской. Источником изучения этого развития является корреспонденция и прочие личные документы, сосредоточенные в Моравском областном архиве, в Моравской областной библиотеке и в Архиве Университета им. Масарика.

Не считая личности брненского наборщика, переводчика и автора динамичных языковых учебников Франтишека Вымазала (1841–1917), который был также составителем антологии *Slovanská poezije* (Brno 1874, Vymazal, 1874) и о котором мы сообщали как в ряде ма-

¹ О специфическом характере моравской славистики говорится на примере различных материалов в некоторых наших исследованиях, см. ссылки в скобках.

териалов, так и в рамках Болдинских чтений (Pospíšil, 2005, 2006, 2007), именно в Моравском областном архиве находится наследие (включая корреспонденцию) монаха-бенедиктинца из Райграда, а позднее – католического священника, моравского слависта-дилетанта, историка литературы и переводчика, автора первой чешской компилятивной истории русской литературы, – **Алоиса Августина Врзала** (1864–1930), которому посвящено несколько написанных нами в прошлом работ (Pospíšil, 1992, 1993, 2000, 2001) ².

Это личные документы, свидетельства, а также книги, записки, отзывы и т.п. По рекомендации своего преподавателя в средней школе, Франтишека Билого, он вступил в райградский монастырь, бывший тогда важным центром католических культурных событий; 8-го сентября 1884 г. он принял здесь имя Августина. После годового новичиата Врзал изучал в Брно теологию, последующие три года – частным образом. В аббаты он был посвящен в 1889 г. Впоследствии Врзал служил лектором по истории церкви и права в Райграде, в 1893 г. стал кооператором в Домашове, а затем – приходским священником в Сыровицах; до 1929 г. он служил в Островачицах. После того, как разгорелась Первая мировая война, А. А. Врзал оказался под надзором австрийских органов на основании доноса, т. к. ему приходили русские книги и журналы. По свидетельству патера Вацлава Покорного, посещения жандармами сыровицкого прихода и надзор гейтманства в Густопече довели боязливого Врзала до того, что он совершенно перестал заниматься переводами с русского языка и начал изучать южнославянскую письменность; В. Покорный также полагает, что тогда же были уничтожены или тщательно спрятаны документы большой исторической ценности, например, переписка с Максимом Горьким. Из документов сохранились лишь фрагменты, которые по большей части были опубликованы. В Областном архиве в Брно хранится также дневник Врзала, в котором можно обнаружить не только его биографию, но также его продвижение по службе и приходы, где он трудился. Но есть здесь и то, что вызывает наш наибольший интерес, а именно – начало работы Врзала в области славистики.

А. Врзал передал 36 писем 22 русских писателей 19-го и нач. 20-го века Славянскому семинару философского факультета Университета им. Масарика в Брно. Сергей Вилинский затем опубликовал письмо А. П. Чехова и 3 письма В. Г. Короленко, которым он придавал

² Там также указана остальная литература по этому предмету.

высокое литературно-историческое значение. Менее знаменательная часть корреспонденции, остающаяся в Областном архиве в Брно, долго не публиковалась. Среди адресатов Врзала, к которым он обращался с просьбой о краткой автобиографии для своей истории русской литературы, кроме уже упомянутых выше, были также А. И. Эртель, Г. А. Мачтет, С. И. Гусев-Оренбургский, А. А. Измайлов, И. А. Салов, А. М. Скабичевский, Б. Зайцев, Р. И. Сементковский, М. Вс. Крестовская, И. Н. Потапенко и К. В. Назарьева. Кроме этого, среди писем и почтовых карточек можно обнаружить тексты известных чешских деятелей культуры. К ним относятся, например, издатель и составитель Я. Отто, Войтех Мартинек, Ярослав Квапил и К. Достал-Лутинов. Львиная доля в издании существенной части русской корреспонденции Врзала принадлежит брненскому русисту, доц. Ярославу Мандату, который работал с наследием Врзала в 60-х и 70-х гг. Результаты он публиковал как в Сборнике трудов философского факультета брненского университета, так и в журнале *Čs. rusistika*: это было письмо Д. Н. Мамина-Сибиряка, автобиография А. И. Эртеля, письма С. Гусева-Оренбургского, чьи произведения Врзал переводил, письма Б. Зайцева. Я. Мандат, кроме того, опубликовал две обобщающие статьи о корреспонденции Врзала. Автор данной работы опубликовал письмо Ростислава Ивановича Сементковского (1846-1919, см. интернет-источник http://az.lib.ru/s/sementkowskij_r_i/text_0030.shtml, электронные книги http://www.litres.ru/pages/biblio_authors/?subject=63384). Врзал, пишущий и делающий переводы под псевдонимом А. Г. Стин, что было акронимом его имени в монастыре – Августин, в переводе сосредотачивался скорее на менее известных в то время, а потому и более плодотворных в поэтологическом смысле, писателях: например, на Н. С. Лескове.

Важным источником для изучения внутренней жизни Врзала является его библиотека; здесь можно сослаться на нашу книгу о Врзале (Pospíšil, 1993). Его концепция русской и других славянских литератур проистекала из религиозного, христианского и католического понимания, но была достаточно толерантной – непримиримой, пожалуй, лишь в этической плоскости. Литературно-критическое и литературно-историческое творчество Врзала было принято в чешских землях не слишком положительно. Причиной тому был изначально компилятивный характер его работ, его религиозное, основанное на «вчувствовании» и этическое видение литературы наперекор приходящим имманентным методам – прежде всего, формализму и структурализму (Vrzal, 1891–1897, 1899, 1912, 1926).

С начала 20-го века Центральная Европа была точкой пересечения идейных течений, в том числе литературоведческих. Такое положение вещей сохранялось и после возникновения Чехословацкой республики; и даже еще больше углубили его Октябрьская революция и последующая эмиграция интеллигенции, а также так называемая «Русская акция» Масарика. На территории межвоенной Чехословакии переплетались влияния русской формальной школы и ее представителя Романа Якобсона (1896-1982), привнесшего русское кружковство на почву основанного им и Вилемом Матезиусом Пражского лингвистического кружка, а также позитивизма, наук о духе и психологических методов интуитивистского и неоидеалистического толка, из которых, кроме всего прочего, вырос Рене Веллек (1903-1995), который затем вместе с Якобсоном перенес эту методологическую базу в США (Pospíšil – Zelenka, 1996). В такую сложную, но продуктивную атмосферу входит в первой половине 20-х гг. **Сергей Григорьевич Вилинский** (1876-1950), в чьей личности складывается система восточно-западного и северо-южного движения мысли, экстраординарный и штатный профессор и проректор Одесского университета, русский медиевист³. Его личное дело, связанное с работой в Университете им. Масарика, находится в университетском архиве. Из автобиографии С. Вилинского, написанной им по-чешски и датированной 24-м марта 1935 г. (в связи с подачей заявления о сдаче серьезных докторских экзаменов, ибо его титул доктора русской словесности, присвоенный ему в Одессе в 1914 г., по законам того времени не мог быть использован у нас), можно узнать, что он родился в Кишиневе, где в 1895 г. закончил 1-ю классическую гимназию; затем в течение недолгого времени он был студентом петербургского историко-филологического института; с осени 1896 г. учился в славяно-русском отделении историко-филологического факультета Новороссийского университета в Одессе. Там началась его стремительно набирающая обороты научная карьера, вершина которой пришлось на 1912-1914 гг., когда он стал проректором и ординарным профессором русской литературы на основании защиты докторской диссертации *Житие св. Василия Нового в русской литературе*. 7-го февраля 1920 г. Вилинский эмигрировал из России; в порту перед отплытием у него украли все чемоданы, так что потом, в Европе, и свои собственные книги ему пришлось искать в букинистических магазинах. Так начался его нелегкий бол-

³ Этому посвящено несколько наших работ, см. ссылки в скобках.

гарский анабазис: он работал учителем в гимназии в Плевне, затем был переведен в качестве учителя латинского языка в Софию; работать в гимназии в Пловдиве он отказался и, пробыв некоторое время безработным, стал банковским служащим. Летом 1921 г. проф. Вацлав Вондрак пригласил его читать лекции по русской литературе в недавно основанном Университете им. Масарика. В ноябре 1921 г. в этом университете Вилинского избрали профессором по договору, а в апреле 1923 г. он был им назначен. Кроме профессорских обязанностей в Университете им. Масарика в Брно, он преподавал русскую литературу в русском педагогическом университете в Праге вплоть до 1927 г., когда этот университет был расформирован. Методологический анализ его трудов брненского периода представлен в наших работах (Pospíšil, 1996, 2000, 2009).

С Сергием Вилинским связаны и другие известные имена, которые по-своему замыкают собою центральноевропейский методологический круг: в Одессе его учеником был выдающийся медиевист Н. К. Гудзий, а в зимнем семестре 1913 г. у него также учился Михаил Бахтин (1895-1975), который затем перешел в Санкт-Петербург (что рождает вопрос, насколько знаток античности и средневековья Вилинский повлиял на позднейшую ориентацию Бахтина). Однако основатель брненской литературоведческой русистики, который достраивал специфическую форму брненской славистики Франка Волльмана (1888-1969), также связан с традициями русского и чешского византиеведения. Из брненских русистов последователем Сергея Вилинского всегда называл себя его ученик доц. Ярослав Мандат (1924-1986), который слушал лекции Вилинского по русскому фольклору, древнерусской и новорусской литературе.

Первым профессором сравнительной истории славянских литератур в Университете им. Масарика был компаративист и фольклорист, а также политик и дипломат **Йиржи Горак** (1884–1975)⁴. Уроженец Бенешова и во времена Первой республики, и позднее коренным образом повлиял на формирование гуманитарных наук, в особенности славистики и сравнительного изучения литературы и фольклора. Сама его блестящая академическая карьера демонстрирует широту его интересов: в 1919–1922 г. он был доцентом сравнительной истории славянских литератур на философском факультете Карлова университета, затем – экстраординарным профессором в брнен-

⁴ См. наш краткий медальон *Výročí slavisty, folkloristy, literárního vědce: Jiří Horák (1884–1975)*. Universitas 2004, č. 4, s. 17–18.

ском Университете им. Масарика (1922-1926), а с 1927 г. – штатным профессором Карлова университета; и наряду со всем этим он стал основателем Государственного отделения народной песни, Чехословацкого этнографического общества, Славянского института и славянских отделений в Праге и Брно, Магицы чешской и прочих институций. Его большим вдохновителем был Т. Г. Масарик, показавший ему путь к познанию России, прежде всего, своим произведением *Россия и Европа*, написанным по-немецки (вообще, Йиржи Гораку принадлежит львиная доля работы над чешской версией этой гербовой для чешской русистики книги). Во время войны он был арестован за антинацистское сопротивление, после Второй мировой войны стал послом Чехословакии в Москве (1945–1948).

Есть что-то символическое в том, что Горака в должности (экстраординарного) профессора Университета им. Масарика после его провозглашения штатным профессором Карлова университета сменил назначенный на его место профессор Франк Волльман, который пришел туда из братиславского Университета им. Коменского: три чехословацких университета, до настоящего времени являющиеся ядром чешского и словацкого высшего образования, встречаются таким образом в обеих этих личностях – преемниках основополагающих традиций нашей славистики. Правда, Архив Университета им. Масарика предоставляет о Гораке лишь невыразительные служебные и личные документы⁵ (Pospíšil, 2011).

С Университетом им. Масарика, без сомнения, тесно связан профессиональный путь **Романа Якобсона** (1896-1982). Его письменные материалы официального и личного характера, относящиеся к этому периоду, находятся в Архиве Университета им. Масарика. В связи с ними не лишена интереса проблема так называемых *vota separata*, т. е. писем-протестов, написанных тремя профессорами Университета им. Масарика и связанных с доцентурой Романа Якобсона. Материалы касаются личности Якобсона, качества его научной работы, его взаимоотношений с чешской и немецкой средой, его политических взглядов, чехословацко-советских отношений и, не в последнюю очередь, межличностной ситуации в тот момент в Университете им. Масарика. Информацию об этом можно найти в нескольких наших материалах, последний из которых был издан в России в 2010 г. ⁶ (Pospíšil, 2000, 2022, 2010); ссылаясь, таким об-

⁵ О Гораке см. две наших работы в ссылках на литературу.

⁶ Мы ссылаемся на свои статьи о *vota separata*, а также на брненский

разом, на эти материалы, здесь приведем лишь краткое обобщение. Во-первых, это – по хронологии – предложение об учреждении профессуры по русской филологии и о назначении доктора философии Романа Якобсона профессором русской филологии по договору: машинопись, предоставленная нам Архивом Университета им. Масарика, изобилует опечатками и прочими ошибками. Вообще же, здесь дается обоснование, почему такая профессура на договорной основе необходима; причины вызывают улыбку, т. к. их стратегия вполне соответствует сегодняшней: они не только научные, но, главное, непосредственно практические. Цитирую: „O vědecké potřebě a vědecké samostatnosti ruské filologie nelze vůbec pochybovati. Potřeba filologií jednotlivých národních celků – vedle filologií kmenových skupin – je obecně uznávána; tím spíše je pak oprávněno samostatné filologické bádání a jeho tradování při tak významném kulturně i hospodářsky národním celku, jako je ruský, podobně jako se odděluje z germánské filologie bádání o anglickém jazyce a literatuře, z románské o jazyce a literatuře italské. A filologické obory týkající se národního celku ruského se osamostatnily – třebaže v rámci slavistiky – záhy ve vývoji slovanské filologie jednak pro zvláštní postavení kulturního vývoje ruského odlišného od celkem jednotného vývoje západního a pro úzké linguistické a etnografické vztahy k národům neslovanským, ba i neindoevropským obývajícím v době minulé i přítomné na území říše ruské, jednak pro významnou a rozsáhlou badatelskou práci vykonanou na Rusi v těchto oborech“. Так, конечно, можно выделить из славистики все южнославянские языки и литературы, и далее: здесь перед нами в зародыше – истоки русистской сепарации; она не была вызвана одними лишь послевоенными политическими мотивами – она подготавливалась в лоне славистики задолго до этого. Цитируем далее: „Na naší fakultě (читай: на философском факультете Университета им. Масарика в Брно – И. П.) jest však tohoto oboru také konkrétně potřeba, a to nejen z důvodů vědeckých, nýbrž i z praktických. Na filosofické fakultě Masarykovy univerzity jsou zastoupeny věci ruské jen ruskými přednáškami o ruské literatuře, které má S. Vilinskij, smluvní profesor ruské literatury; ruská literatura si tohoto samostatného zastoupení plně zaslouží, nelze však nadále prodlužovati ten stav, že se na naší fakultě vůbec nepřednáší o jazyce ruském. Sbor profesorský se snažil tento závažný nedostatek odstraniti od počátku roku 1925 svými jednomyslnými návrhy ze 7. února 1925 a zvláště ze 7. prosince 1926

na zřízení smluvní profesury ruského jazyka a na její obsazení profesorem N. N. Durnovo, z čehož tehdy sešlo odchodem Durnovovým do SSSR (do Minska). V návrhu jednomyslně přijatém na schůzi sboru 7. prosince 1926 bylo podrobně odůvodněno, proč je nutně potřeba poznání vývoje ruského jazyka pro každé vědecké studium jazyka českého a zvláště jeho východních nářečí i pro přípravu kandidátů češtiny pro střední školy, a dále povinnost důkladného vědeckého poznávání ruštiny plynoucího z přičlenění Podkarpatské Rusi. Po praktické stránce je pak nejen pro školství Podkarpatské Rusi, nýbrž i pro naše střední školy nutně potřeba, aby filosofická fakulta byla schopna vychovávat kandidáty ruštiny, kterých je potřeba pro střední školy obchodní i pro povinnou ruštinu na reformních reálných gymnasiích“. Специальность русской филологии, отнюдь не русский язык, обоснована своими широкими рамками, т. е. изучением языка – но также и культуры, этнографии и т.п. Следующий аргумент заключается в том, что в этом нас не должны обогнать другие неславянские народы; и, наконец, в данной «кадровой» ситуации неизбежно, чтобы кандидатом договорной профессуры был иностранец, русский. Далее следует резюме Якобсона и оценка его научной работы. Проект подписан профессорами Гавранек, Травничек и Соучек.

Ядро проекта похоже на отзыв на доцентскую диссертацию и остальные научные достижения доктора Романа Якобсона, который на этот раз поддержали профессора Богуслав Гавранек, Франтишек Травничек и Франк Волльман. Отзыв на представленную диссертацию, однако, на неполных полторы страницы больше, чем шестистраничный отзыв. Первая часть включает в себя краткое резюме с описанием чешского анабазиса Якобсона, в том числе вынесения его кандидатуры на пост профессора по договору; далее делается акцент на его первых работах, т. е. рецензия на карты русских диалектов, труд о поэтике и метрике, из которых вытекает – как это подтверждено Зелинским, Виноградовым и Томашевским – что эти работы Якобсона являются основными трудами русской формальной школы; далее, здесь указаны работы по чешской литературе, а конкретно – *Základy českého verše* (1926), где допускается негативный критический отклик, и исследование *Vliv revoluce na ruský jazyk* (1921) с критикой А. Мазона. Собственно диссертация *Remarques sur l'évolution phonologique du russe*, которая вышла в серии *Travaux du CLP*, считается успешной, хотя сам отзыв на нее показывает, как его авторы «боролись» с формулировками: первоначальную критическую часть они предпочли вычеркнуть, причем приглушили

и тот момент, что Якобсон, собственно говоря, использует результаты Трубецкого. Из всей структуры отзыва становится очевидно, что тут скорее, чем фонологический труд Якобсона, принимается во внимание целый комплекс разнообразных текстов, часто выходящих за пределы лингвистики и в направлении к стиховедению и поэтике.

Затем из профессорского хора выделились три негативных высказывания, так называемые *vota separata*. Первое из них принадлежит профессору английской филологии Франтишеку Худобе (1878–1941), который сконцентрировался на разборе взглядов Якобсона из статьи *O dnešním brusičství českém*, впоследствии вышедшей в книге *Spisovná čeština a jazyková kultura* (1932). *Votum separatum* Худобы часто отбрасывается как проявление старомодности, консерватизма, национализма и ксенофобии, но все-таки обратим внимание – *sine ira et studio* – на его смысловое ядро. Худобу, в первую очередь, смущает тот факт, что Якобсон как «киностранец, только-только научившийся говорить по-чешски» (“*cizinec, který se teprve nedávno naučil poněkud česky*“), высказывается по поводу современного чешского языка и «обескураживает своей неуместной резкостью, а иногда и скрытой насмешкой» („*zaráží svou nemístnou příkrostí a někdy i zastřeným posměchem*“). Автор вотума, прежде всего указывает на волюнтаризм Якобсона: Йозефа Зубатого, некогда главного редактора журнала *Naše řeč*, тот называет «гениальным художником на ниве чешской филологии» (“*geniálním umělcem na poli české filologie*“), но при этом «его очищающее творчество он подрывает и доводит до несерьезности» („*jeho očištné dílo podrývá a uvádí v nevážnost*“). Следующие страницы своего вотума Худоба посвящает тому, чтобы продемонстрировать стремление Зубатого к чистоте чешского языка. Одновременно он опровергает высказывания Якобсона о том, что так называемое «онемечивание» чешского языка является одной лишь демонстрацией, националистической политикой, для которой более подходящим определением был бы расизм. Худоба отвергает такое обозначение, а с ним и то, что с призраком германизации покончено. „*Dr. Jakobson, který je naprostý cizinec, česky se sotva naučil a českého jazykového citu mít nemůže a nemá, jak ukazují některé jeho práce, jichž neupravoval český odborník jako jeho stať O dnešním brusičství českém* (prof. V. Havránek), zapomíná, že my Čechové nejsme jenom Němci mluvící česky a že nám nemůže být jedno, je-li naše řeč bídnou hatmatilkou česko-německou, jak nedávno prof. Trávníček nazval chatrnou češtinu některých našich přírodovědců. Zapomíná také, že není jeho právem ani úkolem vměšovat se takovýmto způsobem do našich snah po očištění a vytříbení naší řeči

mateřské“. К вотуму Худобы затем присоединяется вотум профессора германистики Антонина Беера (1881–1950), датированный тем же днем. Он в свою очередь отмечает модность лингвистической терминологии Якобсона, а также то, что некоторые труды известны тому лишь «из вторых рук», но при этом он позволяет себе критиковать их, не зная их истоков (например, у младограмматиков). На обоих авторов вотума, конечно, произвело неприятное впечатление и то, что Якобсон пишет в Праге по-немецки, хотя сам считает себя русским, что вышеупомянутую аспирантуру он закончил в немецком пражском университете, защитив написанную по-немецки работу о десятерце, а также то, что он работает в редакции немецкого издания *Slavische Rundschau*. Беер доводит до логического конца негодование Худобы по поводу того, что онемечивание чешского языка Якобсон называет расизмом (в иных случаях он говорит о фашизме в языковедении) и иронически «гасит»: „Abychom si uvedené výroky p. Dra Jakobsona prakticky uvědomili, je to s nimi takhle. Náš nejpřednější znalec jazyka českého F. Trávniček, vytýkaje v češtině p. Dra Jakobsona výrazy jako ‚neodvisle od toho, familiární, bezprostředně, velkotovárna, přirozeně‘ (Listy fil. 49, 246), dopustil se tedy demonstrace, dělal jazykovou politiku, podporoval rasismus; a vytýkaje chyb ‚jich význam‘ ‚Otcí a děti Turgeněva‘, ‚dle terminologie Fortunatova‘ zapomněl podle p. Dr. Jakobsona, že ‚proti malé gramotnosti nelze bojovat mechanickými seznamy chyb,‘ že ‚výčet takových chyb je úkolem korektora, nikoli odborného časopisu‘ (str. 88). A vytýkaje germanismy zapomněl, že podle p. Dra Jakobsona ‚musí podat důkaz, že svým fonologickým nebo gramatickým složením, odporují strukturálním zákonům současné češtiny.‘ Далее Беер напоминает, что Якобсон косвенно назвал Франтишека Таборского «врагом современной культуры вообще» („nepřítel moderní kultury vůbec“), и обращается к якобсоновской статье в журнале *Čin* (1930) *Romantické všeslovanství – nová slavistika*. Но он говорит не столько о ее содержании, сколько о тоне (Якобсон в своей статье высмеивает общеславянскую романтику, ура-патриотизм, причем, сам того не осознавая, практически описывает собственную дальнейшую судьбу; этого, конечно, не знал тогда и полемизирующий с ним Беер): „pro hejslovanskou rhetoriku nezůstávalo místa už ani v pozdravných a banketových řečech, ledaže v pozdravu nějakého zástupce slavistiky z Kalifornie“ (таковым мог бы стать через несколько лет и он сам – И. П.).

А далее Беер сурово и, думается, небезосновательно, нападает: „Ale vím o jiném projevu, který byl pronesen zástupcem ‚nového slovanství‘, jenž hlásal, že filologii je třeba pěstovat v duchu leninsko-marxis-

tickém; že se nikdo neozval, přičteme patrně zásadám pohostinství, mlčelo se z útrpnosti nad ‚novým životem osvobozeného národa‘ a z hledu na poměr ‚svobodného vědce k jeho vládě.‘ Víme, že se tisk praslovanské mluvnice nezakazuje a nepřerušuje v Kalifornii, nýbrž v jiné zemi. Ozve se dr. Jakobson proti této skutečnosti ‚nového slovanství‘ aspoň tak jako mentoruje u nás? Kde by se octl – ne v Kalifornii, ale v té jiné zemi – muž, jenž by proti tomu a jiným ještě věcem razil hesla ‚demonstrace‘, ‚rasismus‘, ‚boj proti kultuře vůbec‘? Kde by se octl, neřeknu. Ale u nás je v habilitačním řízení“.

Третий *votum separatum* составил классический филолог Франтишек Новотный (1881–1964), обратившись к ученому совету с просьбой установить гражданство доктора Романа Якобсона. Уж во вступлении читаем: „Dr. Jakobson je státním příslušníkem SSSR. Mímořádné poměry, které nastaly v Rusku po revoluci, zasáhly několika různými způsoby do života ruské inteligence a zejména ruských učenců. Z těch, kteří zůstali v Rusku, žije část ve větší nebo menší svobodě podle toho, jakou měrou se přizpůsobili k programu vládnoucí strany; mnozí byli zastřeleni, jiní jsou vězněni. Z těch, kteří žijí mimo Rusko, byli někteří z Ruska vypovězeni, většinou však odešli do emigrace dobrovolně, aby unikli nové moci. Dr. Jakobson nenáleží k žádné z těchto uvedených kategorií. Žije už léta mimo hranice svého státu, ale není ani exulant ani emigrant“. После этого фактографического введения с амбивалентным подтекстом следует самое важное с точки зрения самой процедуры: хотя напрямую порядок защиты диссертации этого не содержит, „mezi naším státem a SSSR není vzájemnosti v takových věcech, jako je studium a učitelská činnost. Nelze si představit případ, že by člen našeho čl.moskevského zastupitelstva byl na svou žádost připuštěn za docenta na některou universitu sovětského Ruska, a to jedině po prozkoumání své vědecké způsobilosti“. Этими вескими аргументами Новотный завершает третий, а для нас последний, *votum separatum* с тем же негативным заключением.

Текст профессора Ф. Новотного предоставляет нам биографические сведения о Р. Якобсоне – например, в том виде, как они указываются в процитированном выше заключении о защите. Из них нам становится известно, что 10-го июля 1920 г. Р. Якобсон приехал в Прагу „jako spolupracovník sovětské misse Červeného kříže“ («как сотрудник советской миссии Красного креста»); очевидно, перед нами плохой перевод с русского языка: вместо „spolpracovník“ здесь должно было быть „pracovník“, рус. «сотрудник»); в октябре 1921 г. он уезжает оттуда, в 1920/21 учебном году с позволения соответствующих про-

фессоров прослушивает лекции в Карловом университете (Гуйер, Травничек); в конце 1921 г. он становится референтом по печати в советской миссии, где остается до 1. 11. 1928, когда его освобождают от службы. 9-го апреля 1930 г. в пражском Немецком университете он получает звание доктора философии на основании диссертации *Zur vergleichenden Forschung über die slavischen Zehnsilber*. То, что предшествовало его пребыванию в ЧСР, изложено ранее (т. е. классическая гимназия, обучение на историко-филологическом факультете Московского университета и т. д.). С учетом этих обстоятельств, моральные и технические процедуральные претензии, предъявленные в каждом из трех *vota separata*, кажутся не лишены основания. Известно также, что эволюция Романа Якобсона от упомянутой точки зрения к концепции евразийства, как показывает переписка с Трубецким, а далее к критике советского режима, была в США в период маккартизма проблематичной, и Якобсон неоднократно был вынужден выражать свое критическое отношение к СССР.

Брненское резюме Якобсона продолжает сообщение из Министерства образования и народного просвещения от 23. 5. 1939, которое отправляет Якобсона в бессрочный отпуск в конце марта 1939 г.; одновременно с этим его отстраняют от должности руководителя Семинара славянской филологии. В конце июня 1939 Областному управлению Брно было предписано приостановить выплату служебного заработка и начислить с 1-го июля 1939 г. законную компенсацию в размере последнего жалования, «с условием Вашего постоянного пребывания на территории Протектората Чехии и Моравии» („s podmínkou Vašeho trvalého pobytu na území Protektorátu Čechy a Morava“). В это время Якобсон на этой территории уже не находился. В архиве Университета им. Масарика находится листочек с адресом его нового места жительства: Charlottenhunt, Raadhusvej 16 – u prof. dr. Viggo Brøndala. Затем он переезжает в Осло и продолжает свой анабазис: через Швецию – в США.

Следующим шагом стали три документа. В первом из них, с печатью от 5. 6. 1950, речь идет о протоколе обсуждения факультетской комиссии, которая на своем очередном заседании 31. 5. 1950 предложила академическому сенату отменить экстраординарную профессиру Якобсона (членами комиссии были профессора и один ассистент, среди них – профессора Франк Воллман и Йозеф Курц). Впоследствии ректорат обратился к Министерству образования, культуры и науки с предписанием от 29. 1. 1951 об отмене декрета, ибо, цитирую: „Jmenovaný se zdržuje od dubna 1939 mimo území ČSR,

od osvobození v r. 1945 nekoná své povinnosti jako profesor filozofické fakulty a působí na universitě v New Yorku, porušil tedy hrubě své pracovní a občanské povinnosti“⁷. Здесь политическая подоплека приглушена, хотя и очевидно, какие именно «гражданские обязанности» нарушил Якобсон. Министерство образования, культуры и науки в предписании от 26. 2. 1951, которое за министра подписал доктор Валлоух, уже сообщает, что „jmenovaný profesor opustil svémocně svoji službu a nevykonává od května 1945 svou učitelskou činnost ani ostatní povinnosti plynoucí z jeho ustanovení mimořádným profesorem. Kromě toho prokázal svůj nepřátelský postoj proti lidově-demokratické republice ČSR, československému lidu a lidově-demokratické vládě tím, že se z New Yorku do vlasti nevrátil, ač byl povinen tak učiniti ihned po osvobození v květnu 1945. Tím se provinil hrubým porušením svých povinností stavovských a pracovních i povinností občana lidově-demokratického státu“⁸. (исправлено правописание, устранены наиболее явно бросающиеся в глаза ошибки – И. П.). Заключительным аккордом становится провозглашение Якобсона почетным доктором брненского Университета Я. Е. Пуркине, будто бы обрaмленное введением советских танков в августе 1968 г., и знаменитая пражская речь Якобсона в 1969 г. Тем не менее, текст проекта, который тогда подписали Арношт Лампрехт как заведующий кафедрой чешского языка, славянского, индоевропейского и общего языкознания, и ректор, проф. Теодор Мартинец, и где в качестве аргумента приводится то, что Якобсон «присоединился к прогрессивному крылу и к борьбе за новочешскую литературную норму в тридцатые годы» („zapojil na progresivním křídle i do bojů o novočeskou spisovnou normu ve třicátých letech“⁹), свидетельствует о сложности жизненного пути Якобсона, его позиции, методологии и отношении к чешским масштабам, а также о различиях в идеологическом контексте и «установке» его труда.

Для полноты представления о лучших славистах, работающих в Брно, в Университете им. Масарика, следовало бы сказать и о ряде других, и прежде всего о ключевой фигуре Франка Волльмана (1886–1969), которому мы с коллегами посвятили свою авторскую и издательскую деятельность, включая основание Славистического общества им. Франка Волльмана (Pospíšil – Zelenka, 2003) и чье ключевое произведение *Slovesnost Slovanů* (1928) вышло сейчас на чешском языке.⁷ Но это уже отдельная обширная глава.

⁷ F. Wollman: *Slovesnost Slovanů*. Eds: Ivo Pospíšil, Miloš Zelenka. Red. Eva Niklesová. Redakční spolupráce Natalia Čuveleva. Česká asociace slavistů ve spo-

Литература

- Horák, 1948 – Horák, J.: *Z dějin literatur slovanských. Stati a rozpravy*. Uspořádal Julius Dolanský a Jan Thon. Jos. R. Vilímek, Praha 1948.
- Mandát, 1964 – Mandát, J.: Neznámý dopis D. N. Mamina-Sibirjaka. Sborník prací filozofické fakulty brněnské university (SPFFBU), D 11, 1964, s. 161.
- Mandát, 1964 – Mandát, J.: Интересное собрание автографий русских писателей. *Čs. rusistika* 1964, s. 167–172.
- Mandát, 1965 – Mandát, J.: Неизвестная автобиография А. И. Эртеля. SPFFBU, D 12, 1965, s. 215–221.
- Mandát, 1966 – Mandát, J.: Письма С. Гусева-Оренбургского к чешскому переводчику. SPFFBU, D 13, 1966, s. 139–144.
- Mandát, 1968 – Mandát, J.: Письма Б. К. Зайцева в Чехию. SPFFBU, D 15, 1968, s. 203–205.
- Mandát, 1971 – Mandát, J.: Потерянные письма русских писателей. SPFFBU, D 17–18, 1971, s. 247–248.
- Mandát, 1986 – Mandát, J.: Vzpomínka na S. G. Vilinského. Sborník prací filozofické fakulty Masarykovy univerzity, D 33, 1986, XXXV.
- Pospíšil – 1991, Pospíšil, I.: Augustin Alois Vrzal podruhé. *Lidová demokracie* 10.12.1991, s. 5.
- Pospíšil – 1991, Pospíšil, I.: Rusista Augustin Alois Vrzal. *Lidová demokracie* 1.11.1991, s. 5.
- Pospíšil – 1993, Pospíšil, I.: Alois Augustin Vrzal: Konceptce a dokumenty. SPFFBU, D 40, 1993, s. 53–62.
- Pospíšil – 2000, Pospíšil, I.: Razance a citlivost: K fenoménu Střední Evropy v meziválečném období (tři vybraná vota separata k brněnské habilitaci Romana Jakobsona). *Slovensko-české vztahy a súvislosti*. Bratislava 2000, s. 49–60.
- Pospíšil – 2001, Pospíšil, I.: Založena Společnost Franka Wollmana. *Univerzitní noviny* 2001, č. 4, s. 16.
- Pospíšil – 2002, Pospíšil, I.: Rasanz und Feingefühl: Zum Phänomen Mitteleuropa in der Zwischenkriegszeit. In: *Litteraria Humanitas XI. Crossroads of Cultures: Central Europe, Kreuzwege der Kulturen: Mitteleuropa, Křižovatky kultury: Střední Evropa, Perekrestki kul'tury: Srednjaja Jevropa*. Masarykova univerzita, Filozofická fakulta, Ústav slavistiky, Brno 2002, editor: Ivo Pospíšil, ISBN 80-210-2812-2, ISSN 1213-1253, s. 265–278.
- Pospíšil – 2003, Pospíšil, I.: Sieben Bemerkungen zu Frank Wollmans Slovesnost Slovanů. In: *Frank Wollman: Die Literatur der Slawen*. Herausgegeben von Reinhard Ibler und Ivo Pospíšil. Aus dem Tschechischen übertragen von Kristina Kallert. Vergleichende Studien zu den slavischen Sprachen und Literaturen. Herausgegeben von Renate Belentschikow und Reinhard Ibler, Bd. 7. Peter Lang, Frankfurt am Main – Berlin – Bern – Bruxelles – New York – Oxford – Wien 2003. ISSN 1434-3193, ISBN 3-631-51849-80, s. 355–362 (aus dem Tschechischen übersetzt von Reinhard Ibler).
- Pospíšil – 2004, Pospíšil, I.: Kulturní zápisník. Dobrá zpráva z Marburgu i Bonnu pro naše „rodinné stříbro“ (prezentace knihy F. Wollmana *Slovesnost Slovanů*, Praha

- 1928 – Die Literatur der Slawen, Peter Lang 2003). Univerzitní noviny 2004, č. 1, s. 55–56.
- Pospíšil – 2005, Pospíšil, I.: **Пушкин глазами трех чехов: три концепции.** In: Болдинские чтения. Комитет по культуре Нижегородской области, Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А. С. Пушкина „Болдино“, Нижегородский Гос. Университет им Н. И.Лобачевского. Нижний Новгород 2005, s. 227–235.
- Pospíšil – 2006, Pospíšil, I.: О некоторых романых фрагментах Александра Пушкина. In: Болдинские чтения. Комитет по культуре Нижегородской области, Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А. С. Пушкина „Болдино“, Нижегородский Гос. Университет им Н. И.Лобачевского. Нижний Новгород 2006, s. 183–197.
- Pospíšil – 2007, Pospíšil, I.: А. С. Пушкин в антологии Франтишека Вымазала „Славянская поэзия“. In: Болдинские чтения. Комитет по культуре Нижегородской области, Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А. С. Пушкина „Болдино“, Нижегородский Гос. Университет им Н. И.Лобачевского. Нижний Новгород 2007, s. 264–269.
- Pospíšil – 2009, Pospíšil, I.: Brněnský příběh Sergije Vilinského. In: Ľubica Harbul'ová (ed.): Migrácia obyvateľov východnej Európy na územie Slovenska a Čiech (prvá polovica 20. storočia). Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, Prešov 2009, s. 186–193. ISBN 978-80-555-0092-8.
- Pospíšil – 2010, Pospíšil, I.: Rossijska i Central'naja Jevropa s osobym učetom češsko-russkich literaturnych svjazej. In: Universalii russkoj literatury 2, sbornik statej, ed. A. A. Faustov. Nauka-Junipress, Voronež 2010, s. 606–628. ISBN 978-5-4292-0001-9.
- Pospíšil – 2011, Pospíšil, I.: **Jiří Horák a obrysy jeho koncepce srovnávacích slovan-ských literatur**, sb. o J. Horákoví, v tisku.
- Pospíšil – 2011, Pospíšil, I.: Ёиржи Горак и его видение русской литературы, sb. Универсалии русской литературы 3, v tisku.
- Pospíšil – Zelenka – 1996, Pospíšil, I., Zelenka, M.: René Wellek a meziválečné Československo. Ke kořenům strukturální estetiky. Brno 1996.
- Pospíšil – Zelenka – 2003, Pospíšil, I., Zelenka, M.: Mitteleuropa als Knotenpunkt der Methodologien. Frank Wollmans *Slovesnost Slovanů* – Traditionen und Zusammenhänge. In: Frank Wollman: Die Literatur der Slawen. Herausgegeben von Reinhard Ibler und Ivo Pospíšil. Aus dem Tschechischen übertragen von Kristina Kallert. Vergleichende Studien zu den slavischen Sprachen und Literaturen. Herausgegeben von Renate Belentschikow und Reinhard Ibler, Bd. 7. Peter Lang, Frankfurt am Main – Berlin – Bern – Bruxelles – New York – Oxford – Wien 2003. ISSN 1434-3193, ISBN 3-631-51849-80, s. 7–30 (spoluautor Miloš Zelenka). Aus dem Tschechischen übersetzt von Reinhard Ibler.
- Pospíšil, 1992 – Pospíšil, I.: Alois Augustin Vrzal a jeho duchovní dědictví. Universitas, Brno, 1992, č. 6, s. 27–30.
- Pospíšil, 1992 – Pospíšil, I.: Alois Augustin Vrzal: A Catholic Vision of Slavonic Literatures. Slovak Review 1992, No. 2, s. 166–171.
- Pospíšil, 1993 – Pospíšil, I.: Alois Augustin Vrzal: Koncepce a dokumenty. SPFFBU, D 40, 1993, s. 53–62.
- Pospíšil, 1993 – Pospíšil, I.: Srdce literatury. Alois Augustin Vrzal. 43 strany. Brno 1993.
- Pospíšil, 1996 – Pospíšil, I.: Sergij Vilinskij an der Masaryk-Universitat in Brunn:

- Fakten und Zusammenhänge. Wiener Slavistisches Jahrbuch, Bd. 42, 1996, s. 223–230.
- Pospíšil, 2000 – Pospíšil, I.: Dva moravští slavisté: Alois Augustin Vrzal a Sergij Grigorovič Vilinskij. *Slavia Occidentalis*, t. 57, Poznaň 2000, s. 219–233.
- Pospíšil, 2000 – Pospíšil, I.: Významné osobnosti naší univerzity. Zakladatel literárněvědné rusistiky na Masarykově univerzitě (Sergij Grigorovič Vilinskij, 1876–1950). *Universitas* 1/2000, s. 36–38.
- Pospíšil, 2001 – Pospíšil, I.: Existuje moravská literárněvědná rusistika a ukrajiniistika? In: *Morava a české národní vědomí od středověku po dnešek*. Matice moravská, Brno 2001, s. 153–172.
- Pospíšil, 2001 – Pospíšil, I.: Первый моравский историк русской литературы (А. Вrzal). *Русский язык в центре Европы*. Banská Bystrica 2001, č. 4, 56–61.
- Pospíšil, 2010 – Pospíšil, I.: Double Réfraction. La mort de Tolstoj en Bohême et en Moravie. *Revue des Études slaves*, tome LXXXI (2010), fascicule 1, Tolstoï 1910. Échos. Résonances. Interprétations. S. 53–70. ISSN 0080-2557. ISBN 978-2-7204-0465-8.
- Vrzal, 1891–1897 – Vrzal, A.: *Historie literatury ruské XIX. století dle Al. M. Skabičevského a jiných literárních historikův i kritikův* upravil A. G. Stín. Šašek a Frgal, Velké Meziříčí 1891–1897, 952 s.
- Vrzal, 1899 – Vrzal, A.: *Alexandr Sergejevič Puškin. Jeho život a literární činnost*. Otištěno z Hlídky r. 1899.
- Vrzal, 1912 – Vrzal, A.: *Nábožensko-mravní otázky v krásném písemnictví ruském*. Otisk z Hlídky r. 1912.
- Vrzal, 1926 – Vrzal, A.: *Přehledné dějiny nové literatury ruské*. V Brně 1926.
- Vymazal – 1874, Vymazal, F.: *Slovanská poezije. Výbor z národního a umělého básnictva slovanského v českých překladech*. Sestavil a literárními úvody opatřil Frant. Vymazal. I. svazek. *Ruská poezije*. V Brně 1874, 115.
- Wollman – 2003, Wollman, F.: *Die Literatur der Slawen*. Herausgegeben von Reinhard Ibler und Ivo Pospíšil. Aus dem Tschechischen übertragen von Kristina Kallert. Vergleichende Studien zu den slavischen Sprachen und Literaturen. Herausgegeben von Renate Belentschikow und Reinhard Ibler, Bd. 7. Peter Lang, Frankfurt am Main – Berlin – Bern – Bruxelles – New York – Oxford – Wien 2003. ISSN 1434-3193, ISBN 3-631-51849-80. 402 s.
- F. Wollman: *Slovesnost Slovanů*. Eds: Ivo Pospíšil, Miloš Zelenka. Red. Eva Niklesová. Redakční spolupráce Natalia Čuveleva. Česká asociace slavistů ve spolupráci s Ústavem slavistiky FF MU, Středoevropským centrem slovanských studií a Slavistickou společností Franka Wollmana, TRIBUN EU, Brno 2012.

РЕЗЮМЕ

Автор настоящей статьи, опираясь на свои исследования и уже опубликованные материалы, на этот раз в сжатом и синтезированном виде анализирует корреспонденцию и личные документы нескольких славистов, которые работают в Брно или непосредственно в брненском Университете им. Масарика, а именно А. Вrzала, С. Вилинского, Й. Горака и Р. Якобсона. Автор указывает на три места, связанные с хранением этих документов: Моравский областной архив, Моравскую областную библиотеку и Архив Университета им. Масарика. Он сосредоточивает

ется, главным образом, на переписке А. Врзала с русскими писателями, которые посылали ему свои оригинальные автобиографии (М. Горький, А. П. Чехов, С. Гусев-Оренбургский, Б. К. Зайцев, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. И. Эртель и другие), на автобиографии С. Вилинского, на доцентуре Р. Якобсона в Университете им. Масарика, на так называемых *vota separata* и, в общем, на брненской судьбе Р. Якобсона. Эти документы проливают сравнительно новый свет на его личность.

SUMMARY

The author of the present article analyzes the correspondence and personal documents of several slavists who worked in Brno or directly at Masaryk University: A. Vrzal, S. Vilinsky, J. Horák and R. Jakobson with reference to his own research and already published materials, this time in condensed and synthesized form. He shows the three places where the documents has been kept: The Moravian Regional Archives, The Moravian Regional Library and The Archives of Masaryk University. He focuses, above all, on the correspondence of A. Vrzal with Russian writers who sent him his original autobiographies (M. Gorky, A. Chekhov, S. Gusev-Orenburgsky, B. K. Zajtsev, D. N. Mamin-Sibiryak, A. I. Ertel and others), on the autobiography of S. Vilinsky, on the procedure of Jakobson's assistant professorship at Masaryk University, on the so-called *vota separata* and, in general, on Jakobson's Brno years. These documents throw a comparatively new light on his personality.